

© 2013 г. Г. ХЕНТШЕЛЬ

БЕЛОРУССКИЙ, РУССКИЙ И БЕЛОРУССКО-РУССКАЯ СМЕШАННАЯ РЕЧЬ*

Вопреки распространенному мнению о том, что белорусско-русская смешанная речь (БРСР), известная также под названием «трасянка», совершенно негомогенна (нерегулярна) или даже хаотична в отношении распределения белорусских или русских элементов, т. е. выражений и конструкций, на основе анализа корпуса, состоящего из разговоров, зафиксированных в семейном кругу, описывается ряд тенденций к стабилизации предпочтений русских (в большинстве случаев) или же, напротив, белорусских (реже) вариантов на различных структурных уровнях. Также подчеркивается, что именно БРСР в последние десятилетия являлась для миллионов белорусов кодом первой языковой социализации, а усвоение русского и белорусского языков следует понимать как вторичный процесс в смысле изучения блокирования элементов из общего инвентаря, являющихся неприемлемыми в различных социальных контекстах, если требуется говорить по-русски или (реже) по-белорусски. При этом проводится параллель между белорусской ситуацией и языковой ситуацией в южной Германии, где в городах распространены смешанные идиомы, возникшие на основе местных диалектов и немецкого литературного языка.

Ключевые слова: языковой контакт, смешение кодов, переключение кодов, заимствование, усвоение смешанной речи, городские диалекты, «трасянка»

Contrary to common opinion that considers Belarusian-Russian mixed speech (BRMS), also known as «Trasyanka», to be highly irregular or even chaotic with respect to the distribution of Belarusian or Russian elements, i. e. expressions and constructions, a series of tendencies towards stabilisation of preferences of partially Russian (mostly), partly Belarusian (more rarely) variants at different structural levels will be described that are based on a corpus analysis of family speech. It is argued that during recent decades BRMS was the code for initial language socialisation for millions of Belarusians and that the acquisition of Russian and Belarusian is to be understood as secondary acquisition consisting in blocking elements of the complete inventory of BRMS that are inappropriate in different social contexts where either Russian or (more rarely) Belarusian is required. The Belarusian situation is placed within a series of speech situations that also encompasses South Germany, where in urban settings mixed varieties of local dialects and standard German is spoken.

Keywords: language contact, code mixing, code switching, borrowing, acquisition of mixed speech, urban dialects, Trasyanka

* Исследование проведено в рамках проекта «Трасянка в Белоруссии: Смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта. Языковое структурирование, социолингвистические механизмы идентификации и «экономика» языка». Проект выполняется автором настоящей статьи и Бернхардом Киттелем (факультет социальных наук Ольденбургского университета, а с 2012 г. – экономический факультет Венского университета) при сотрудничестве с Белорусским государственным университетом в Минске (в частности, с Сергеем Запрудским, кафедра истории белорусского языка филологического факультета БГУ, и Давидом Ротманом, Центр социологических и политических исследований БГУ) и финансируется фондом Фольксваген (VolkswagenStiftung). Я благодарен Сергею Запрудскому, Томасу Менцелю и Светлане Теш за комментарии к черновой версии этой статьи. За ценные замечания благодарю рецензента «Вопросов языкознания». Ответственность за оставшиеся ошибки целиком и полностью лежит на мне.

ВВЕДЕНИЕ

Территория современной Белоруссии на протяжении веков являлась областью экстенсивных и интенсивных языковых контактов. В конце XIX в. русский язык сменил польский в роли языка элиты. Белорусский язык развился до уровня современного литературного языка только к концу XIX – началу XX в., достигнув наивысшего статуса в 1920-е годы благодаря либеральной и плюралистической языковой политике советской власти раннего периода. После Первой и вплоть до Второй мировой войны доминирующим языком для западной части страны вновь стал польский. На востоке, а после 1945 г. – по всей стране, значимость белорусского как литературного языка значительно снизилась вследствие укрепления власти Сталина в 1930-е гг. и последовавших за этим нескольких периодов жесткой языковой политики. В последние десятилетия в белорусском обществе значительный вес приобрел русский язык, причем не только в общественной жизни, но и в неформальной коммуникации. Исследование [Хентшель, Киттель 2011], проведенное в семи белорусских городах (столице и шести районных центрах)¹, показало, что только 18% респондентов регулярно используют белорусский язык (в частности, постоянно 2%, часто 16%), в то время как русским регулярно пользуются 73 % респондентов (в частности, постоянно 45%, часто 28%).

Белорусский и русский очень близки генетически и чрезвычайно похожи структурно. В некоторой мере они взаимопонятны, однако не полностью, как утверждают некоторые исследователи, но в степени, достаточной для полукommunikации и постепенного сближения кодов в разговоре, причем обычно в направлении русского.

Без сомнения, в Белоруссии уже с XIX в. существовали формы смешения двух языков, например, в речи белорусов, которым для общения с русскими властями или знатью необходимо было усваивать их язык. Это нашло свое отражение в художественной литературе (см., например, комедию В.И. Дунина-Мартинкевича «Пинская шляхта»). Кроме того, в период между двумя мировыми войнами в восточной части Белоруссии, без сомнения, степень распространения смешанной белорусско-русской речи увеличивалась, особенно после того, как закончилось время либеральной советской политики в отношении национальных языков, в сельской местности прошла насильственная коллективизация, а в городах усиливалась индустриализация. Тем не менее Белоруссия до Второй мировой войны по существу оставалась аграрным регионом, и если, как отмечает [Курцова 2005], белорусские диалекты в деревнях и сегодня широко распространены, то следует предположить, что в период между мировыми войнами они явно доминировали в качестве основного средства коммуникации для подавляющей массы населения Белоруссии.

После Второй мировой войны социодемографические условия советской Белоруссии радикально изменились. Произошла массовая индустриализация, результатом которой стала массовая миграция из деревни в город и, следовательно, массовая урбанизация. Сейчас 75% населения Белоруссии живет в городах. Городская среда потребовала от новых горожан отказаться от белорусского (часто деревенского, диалектного²) в пользу русского – такого, который они знали (см. подробнее в [Zaprudskij 2007]). Более того, они стали учить детей говорить на этом «языке» (см. [Хентшель, Киттель 2011]), так как владение русским способствовало социальному благополучию. Это явление заложило фундамент для развития и распространения БРСР.

¹ Исследование основано на опросе 1 400 респондентов – по 200 из каждого населенного пункта: пос. Октябрьского и г. Слонима (на территории юго-западных говоров), поселков Шарковщины и Хотимска (на территории северо-восточных говоров), а также городов Сморгони, Рогачева и Минска (на территории переходных говоров). Во всех перечисленных населенных пунктах (за исключением Минска) проживает от 10 000 до 50 000 человек.

² О влиянии русского языка на белорусский язык деревни до и даже после Второй мировой войны трудно судить. Диалектологи, как правило, не обращались к этому вопросу и обычно игнорировали любые лингвистические черты или элементы, которые они считали (недавними) русскими заимствованиями. Все-таки нельзя исключать, а скорее можно предполагать, что смешанная белорусско-русская речь в белорусских деревнях в какой-то мере существовала и до начала миграции сельского населения в города.

Поэтому БРСР сегодня едва ли можно назвать продолжением смешанной белорусско-русской речи периода до Второй мировой войны (несмотря на отдельные, конкретные структурные совпадения в довоенной и послевоенной БРСР в фонетике и фонологии, морфологии, морфосинтаксисе, лексике и т.п.). Это скорее новообразованная, современная версия языка сельских мигрантов, являющихся носителями белорусских диалектов и вступающих в тесный, часто ежедневный контакт с русским языком. Тенденции к предпочтению белорусских, русских или гибридных фонетических, морфологических, морфосинтаксических или лексических вариантов, т. е. деиндивидуализация отдельных предпочитаемых элементов, отмечаются при этом на уровне социальных микроструктур, таких как семья, дружеские отношения, трудовые коллективы, появившиеся после Второй мировой войны.

Из опрошенных при подготовке исследования [Хентшель, Киттель 2011] 41% респондентов ответили, что БРСР является для них основным средством коммуникации (русский – для 55%, белорусский – для 4%). На вопрос о том, какие языки используются в их семье, 73% респондентов среди других языков назвали БРСР (русский – 54%, белорусский – 48%; разрешалось называть более одного языка)³.

БРСР стала темой научной дискуссии только в последние два десятилетия (обзор работ см. в [Bieder (в печати)]). Что касается ее статуса, некоторые ученые (обычно белорусские: см., например, [Сучун (в печати); Мецковская (в печати)]) заявляют, что смешение языков в речи происходит совершенно спонтанно, без конвенционализации и формирования смешанного языка, и подчеркивают ее высокую вариативность. Другие общие признаки, которые приписываются БРСР, – это «несистематичность», «стихийность» и даже «хаотичность» [Мечковская 2007: 91]. Мечковская описывает БРСР (точнее «трасянку») как набор отдельных, индивидуально различных русифицированных вариантов [Мечковская 1994: 313]. Т. е. имплицитно она не исключает возникновения узуса, но только в рамках идиолекта. Вряд ли можно считать это представление убедительным, если учесть наблюдение Милроя о том, что люди, которые контактируют и взаимодействуют, используют похожие языковые модели [Milroy 1987]. Предположение факта формирования узуса в различных социальных микросистемах (Милрой называет их «networks») является гораздо более обоснованным, вопрос, однако, заключается в том, насколько широки в случае БРСР социальные границы таких сетей (семья, круг друзей и коллег, город, регион и т. п.).

Другие исследователи, такие как, например, [Liskovets 2009], считают конвенционализацию автоматическим процессом и указывают на очевидные гибридные явления, фиксирующиеся на всех языковых уровнях. Недостаточно внимания уделяется наблюдениям П. Традгилла [Trudgill 1986], указавшего на то, что при возникновении новых смешанных диалектов (а структурные различия между белорусским и русским позволяют сравнивать их с диалектами) стабилизация, т. е. существенное снижение вариативности, происходит только в четвертом поколении носителей смешанной речи. Мало внимания также обращается на тот факт, что речь, частично основанная на смешанном идиоме⁴, имеет тенденцию сохранять заметную вариативность все то время, пока два (или больше) исходных идиома продолжают использоваться в данном социальном контексте. Подобная ситуация, несомненно, имеет место в Белоруссии, хотя белорусский (по крайней мере, его литературный вариант) употребляется заметно реже русского и находится под угрозой постепенного вымирания.

При таком положении вещей единственным способом зафиксировать тенденцию к развитию нового смешанного идиома является квантитативный анализ предпочтения элементов А или Б (белорусского, русского или гибридного) во множестве структурных парадигматических и синтагматических позиций, следующий установкам вариационистского подхода к (контактной) социалингвистике (см. [Dubois, Sankoff 2001]).

³ Относительно распределения по социальным слоям см. [Kittel et al. 2010].

⁴ Под «идиомом» понимается общий термин для обозначения различных языковых образований, особенно в тех случаях, когда определение их лингвистического статуса затруднено (см. [ЛЭС]).

Этот подход позволяет обосновать гипотезу П. Ауэра [Auer 1999], который пишет, что разные формы двух смешивающихся языков в дискурсе и речи, т. е., в его терминах, переклечение кодов, смешение кодов и смешанный язык, могут налагаться друг на друга: спонтанное и конвенционализированное (в широком смысле) смешение может сосуществовать в речи, даже в речи одного индивида.

До последнего времени такой анализ не был возможен из-за отсутствия корпуса смешанной белорусско-русской речи. В ходе исследовательского проекта, названного выше, такой корпус был собран (см. [Hentschel 2008a]). Данные были получены в тех же городах, где проводились социолингвистические интервью⁵. Основная часть корпуса состоит из транскрибированных разговоров в семейной обстановке (с участием родственников, друзей, соседей), которую исследователи единогласно признают главной областью функционирования смешанной речи в Белоруссии. Анализ, приводимый далее, основывается на этом материале, за исключением особо оговоренных случаев. Корпус содержит примерно 38 тыс. высказываний, преимущественно простых, а также сложных предложений, включающих в себя 212 тыс. словоформ.

БЕЛОРУССКО-РУССКАЯ СМЕШАННАЯ РЕЧЬ (БРСР)

1. СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ БРСР

А.Е. Супрун (см. [Супрун 1987]) констатирует, что около 80% «слов» в белорусском и русском не различаются. Основная суть данного утверждения заключается в том, что, во-первых, у этих двух языков много общих элементов и черт, и во-вторых, во многих случаях сложно решить, считать ли данный элемент или признак белорусским, русским или общим. У этой классификации есть несколько измерений, важнейшие из которых будут кратко разобраны ниже (см. подробнее в [Hentschel 2008a]).

(а) Например, и в белорусском, и в русском мы находим предлог *за* со значением 'позади, у' в прототипическом значении места или направления; в этом значении он управляет творительным падежом. В таких контекстах, как блр. *за сталом*, русск. *за столом*, *за*, несомненно, является общим, тогда как во многих других употреблениях он должен описываться как лингвоспецифичный, например, в таких случаях, когда в одном языке в определенном контексте используется *за*, а во втором – другой предлог или другая морфосинтаксическая конструкция: блр. *больш за сорок*, русск. *больше сорока / больше, чем сорок*. Только в белорусском языке сравнительная степень прилагательных и наречий образуется при помощи предлога *за* в сочетании с винительным падежом; в русском в этом контексте мы видим управление родительным падежом или элемент *чем*, традиционно описываемый как союз. Тот же принцип контекстной обусловленности применяется при анализе морфологических элементов, например префиксов. Так, в обоих языках есть префикс *за-*: в случае блр., русск. *закуска* он описывается как общий, тогда как в следующей паре слов: блр. *забіць* vs. русск. *убить* – только в белорусском есть *за-*, и здесь он описывается как белорусский элемент.

Отметим, что в корпусе каждый морф (точнее, каждое вхождение) индексируется как белорусский, русский, общий или гибридный⁶. Характер более сложных лингвистических знаков выводится из индексации входящих в него морфов⁷.

⁵ За одним исключением: вместо г. Слонима запад территории юго-западных говоров в корпусе представлен г. Барановичами.

⁶ Внутриморфемная гибридность, т. е. гибридность внутри минимального языкового знака, встречается редко. Случай гибридности в фонологическом представлении некоторых морфов будет обсуждаться ниже. С другой стороны, чем выше уровень языкового знака (морф < словоформа < словосочетание < клауза < сложное предложение...), тем выше вероятность гибридизации.

⁷ В тех случаях, когда морфы данной словоформы общие для двух языков, но значение целой словоформы специфично для одного из них, используется холистический подход. Например, *жонка* в белорусском – нейтральное слово со значением 'жена', тогда как в русском оно может быть диминутивом от *жена* или, скорее, его стилистически сниженным эквивалентом.

(б) Достаточно сложная проблема связана с фактом, что в некоторых случаях языковые элементы или черты белорусских диалектов находят ближайшие соответствия не в литературном белорусском языке, а в литературном русском (см. [Ramza 2008]). При анализе корпуса процедура классификации проводилась следующим образом: языковой элемент, который больше похож на литературный русский, чем на литературный белорусский, получает ярлык русского. В свою очередь, элемент, больше похожий на литературный белорусский, получает ярлык белорусского. А элемент, не найденный ни в русском, ни в белорусском литературном языке, но встречающийся в диалектах региона, откуда происходит респондент⁸, получает ярлык диалектного.

Как следует из (а) и (б), приписывание ярлыков «белорусскости» или «русскости» при таком анализе не означает, что соответствующий элемент конструкции «взят» из того или другого языка носителем-билингвом с примерно одинаковым знанием обоих языков (см. ниже). Скорее это является описательным утверждением о схожести с элементами или чертами (главным образом) литературных вариантов белорусского или русского.

(в) Другой важный вопрос: в какой мере фонетические характеристики слов, зафиксированных в корпусе, могут учитываться при отнесении морфа, словоформы и т. д. к белорусскому или русскому при попытке фиксации смешанного языка. Хорошо известно, что в русской речи у многих белорусов, которые хорошо и даже очень хорошо говорят по-русски, в той или иной мере наблюдается фонетическая интерференция белорусского языка. Такого рода белорусское произношение в русском является одной из главных характеристик⁹ идиома, называемого белорусским национальным вариантом русского; ср., например, швейцарский вариант литературного немецкого, который не следует путать с так называемым «швейцарским немецким» («Schwizerdütsch»). Последний мы наблюдаем в форме алеманских говоров и в форме городских койне на основе этих говоров. Как литературный немецкий, так и «Schwizerdütsch» используется на телевидении и радио¹⁰. Разумеется, не имеет смысла рассматривать вариант русского языка с заметной и регулярной фонетической интерференцией со стороны белорусского как случай смешанной речи. Отсюда одно важное методологическое следствие: если белорусская фонетика регулярно наблюдается в русской речи белорусов, то фонетические характеристики белорусского нельзя автоматически интерпретировать как указание на то, что словоформа является белорусской: не только белорусские, но и любые русские, общие и гибридные словоформы могут произноситься с белорусской фонетикой (так чаще всего и происходит, см. ниже раздел 2). Таким образом, фонетические черты могут быть разделены на две группы: собственно фонетические, т. е. фонетические и фонологические¹¹, и связанные с морфонемическими репрезентациями.

Следующие звуковые различия (блр. vs. русск.) представляют собой примеры собственно фонетического типа: *будзеш* vs. *будеешь*, где интервокальное [dz'] противопоставлено [d'], *бура* vs. *буря* – [r] vs. [r'], *чума* vs. *чума* – начальное [tʃ] vs. [tʃ'/tɕ]. Обе формы в приведенных парах в корпусе классифицируются как общие. Следующие различия

⁸ Тот факт, что полного описания морфемного, словарного и т. д. состава белорусских диалектов не существует, создает некоторую, хотя и минимальную, вероятность ошибки при этой процедуре, которой нельзя избежать. Скорее всего, такого рода полного описания никогда не будет сделано: белорусские диалекты также находятся под все возрастающим влиянием русского языка.

⁹ Существуют и другие языковые феномены, в первую очередь спорадические случаи употребления белорусских слов, особенно при описании белорусских реалий и упоминании ближайших родственников, т. е. уникальных или почти уникальных референтов.

¹⁰ При этом распределяются названные разновидности следующим образом: новости мировой политики, например, идут на швейцарском варианте литературного немецкого, местные новости, новости спорта и прогноз погоды – на «швейцарском немецком» («Schwizerdütsch»).

¹¹ Ср. [Matras 2009: 58] о вторичном статусе собственно фонетических и фонологических явлений в этих контекстах.

относятся к морфонемическим: *будзе_* vs. *будет_* – *_Ø* vs. *[_t]*, *ён, яна* vs. *он, она* – *[j_]* vs. *Ø_*, *руц-э* vs. *рук-е* – *[ʈ]* vs. *[k'/c]* в конце основы.

Отсутствие конечного *[t]* в белорусской форме из первого примера указывает на разные окончания: блр. *-е* vs. русск. *-ет*. Конечное *[t]* в белорусском не запрещается фонетическими правилами. Начальное *[j]* в двух белорусских анафорических местоимениях не обусловлено активным фонетическим процессом протетического типа (звук *[j]* в формах именительного падежа развился по аналогии с формами косвенных падежей). Постальвеолярная же аффриката в белорусском предложном падеже единственного числа от слова *рука* является известным морфонемическим отражением второй славянской палатализации, произошедшей во время распада общеславянского языка на отдельные языки примерно 1 200 лет назад, – отражением, которое в русском склонении позже было утрачено в результате аналогического выравнивания. Таким образом, для базовой классификации морфов и словоформ в БРСР на белорусские, русские, гибридные или общие имеют значение только такие различия в плане выражения, которые основаны на морфонемическом противопоставлении. Однако корреляция с релевантными фонетическими чертами белорусского и русского, разумеется, должна также учитываться¹².

2. ПРОИЗНОШЕНИЕ В БРСР: НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Фонетика БРСР в основном белорусская, независимо от отнесенности морфов или словоформ к русскому или белорусскому языку по другим признакам. (Эта точка зрения в целом разделяется всеми учеными, занимающимися БРСР.) Однако есть некоторые явления в рамках БРСР, которые требуют более точного разделения, поскольку оно может позволить нам лучше понять, как один из двух генетически близких языков может влиять на другой в области фонетики.

(а) В белорусском (в литературном и в диалектах, также как в украинском и в южнорусских диалектах) есть фрикативный */ɣ/*, тогда как в русском (в литературном и в северных и центральных диалектах) ему соответствует взрывной */g/*. Взрывной *[g]* отмечается в некоторых заимствованиях в литературном белорусском (он также обозначается графемой «г»), однако в речи он часто заменяется на *[ɣ]*.

(б) И в белорусском, и в русском происходят процессы, ведущие к сильной редукции гласных в безударных слогах. Один из них важен в данном контексте, поскольку он дает совершенно разные фонетические результаты в белорусском и в русском. Речь идет о редукции в первом предударном слоге с палатализованным согласным перед гласной. Грубо говоря, в белорусском языке фонетической реализацией фонем */e, a, o/* в этой позиции является *[a]*, тогда как в русском они реализуются как *[i]* (так же, как и безударный */i/*). Данное явление в белорусском называется *яканьем*, в русском – *иканьем*. Иканье не отражается в русской орфографии, в то время как большинство случаев *яканья* отражается в белорусской: ср. блр. *яму* и русск. *ему* *[jɪmu]*.

Некоторые белорусские исследователи признают (например, [Рамза 2011: 53]), что даже убежденные носители литературного белорусского достаточно часто не произносят ясного открытого *[a]*, которого требует норма. До настоящего времени этот вопрос остается недостаточно исследованным, но можно заметить, что получающийся компромиссный звук обычно сдвинут в направлении *[e]*. Кроме того, в белорусском есть словоспецифичные случаи *иканья*, как в *німа* vs. *няма* ‘нет’.

(в) В белорусском часто возникают протетические согласные, даже в кодифицированном стандарте: ср. блр. *гэтаму* vs. русск. *этому*; блр. *яна* (см. выше) vs. русск. *она*. Протетический звук *[ɣ]*, *г* возник в результате исторического (сегодня уже неак-

¹² Описание взаимодействия фонетического с более абстрактными уровнями, например при переключении кодов и при смешанной речи (ср. [Bullock 2009]), – одна из будущих целей проекта.

туального) процесса; начальный [j] в формах именительного падежа анафорических местоимений, как уже было сказано, развился по аналогии. В то же время в современном белорусском языке мы находим слова или словоформы, начинающиеся с э-, а- без протетических согласных.

Однако один из протетических согласных употребляется почти без исключений и поэтому традиционно считается все еще относящимся к области фонологии, хотя некоторые исследователи уже говорят о том, что он превращается в морфемическую черту, специфичную для определенных морфем или слов (ср. [Лукашанец 2007: 17–18]). Речь идет о блр. фонеме /v/ перед ударными /u, o/, отсутствующей в литературном русском¹³: блр. *вуліца* vs. русск. *улица*.

Во всех трех явлениях, перечисленных выше, содержатся более или менее выраженные указания на переход из фонического, т. е. фонетическо-фонологического в морфемический статус. В каждом случае различия могут быть легко замечены и повторены белорусом, в отличие от других, чисто фонических, различий. В этом отношении они являются легко заметными и, следовательно, служат идеальными кандидатами для сознательной имитации (в смысле, предложенном в [Trudgill 1986: 12–16]), благоприятствующей неосознанной аккомодации.

В проанализированном корпусе частота белорусских и русских вариантов для разных явлений различна:

(а) Примерно в 94% из 11 000 случаев наблюдается белорусское [ʏ].

(б) Почти в 18 000 релевантных случаев транскрипторы отмечали [i] или [a] с равной частотой: на каждый вариант приходится приблизительно по 40%. В 20% случаев наблюдался промежуточный [e]¹⁴. (Такое произношение, называемое «еканьем», типично для многих русских диалектов и было нормой русского языка около ста лет назад.)

(в) В 88% случаев фиксируется русский вариант, т. е. формы без протетического [v].

Как можно объяснить эти различия, особенно большое расхождение между (а) и (в)?

В [Trudgill 1986: 16] утверждается: «Хорошо заметные черты становятся центром притяжения при аккомодации, за исключением тех случаев, когда другие факторы замедляют, ослабляют или даже блокируют аккомодацию». Эта закономерность очевидно действует и здесь.

В случае (а) аккомодации к русскому варианту в большинстве случаев не происходит. Препятствующие факторы здесь следующие. Во-первых, несмотря на то, что нормативным произношением для русского языка является [g], многие люди, происходящие с юга России, произносят [ʏ] (или [x] вместо [k] в позициях оглушения). Во-вторых, фрикативный [ʏ] имеет церковные коннотации, так как в литературном русском слово *Бог* до сих пор содержит фрикативный звук (старый след влияния киевского церковнославянского), хотя в других словах, даже в русском изводе церковнославянского, произносится [g], ср. [Plähn 1978: 82]. Так или иначе, произношение [ʏ] по меньшей мере не несет негативных коннотаций. Для пункта (в) таких препятствующих факторов нет. Напротив, протетический согласный в русском, за исключением нескольких закрепленных в норме случаев, считается признаком деревенской речи. В случае (б), где мы находим среднюю степень аккомодации к русскому, факторы, мешающие аккомодации до степени [i], следующие: во-первых, уровень четкости в безударных слогах определенно меньше, хотя в позиции первого предударного слога он выше, чем в других безударных слогах (в них редукция сильнее), во-вторых, некоторые носители русского языка произносят [e] вместо [i] в этой позиции; в-третьих, артикуляция последне-

¹³ В русском встречается словоспецифичный застывший протетический [v]: ср. блр. *восем* и русск. *восемь* с польск. *osiem*.

¹⁴ Использовалась скорее общая транскрипция, в которой различаются только <i, e, a>. Экспериментальный анализ данного феномена в БРСР см. в [Хентшель, Целлер 2011].

го (за несколькими исключениями) не поддерживается орфографией ни в белорусском (где этого и не ожидается), ни в русском.

В представленном исследовательском проекте анализируются еще три фонических феномена. Здесь также более или менее явно доминируют белорусские варианты. Наблюдаются следующие количественные отношения: блр. [tsʹ/dʒʹ] (цеканье / дзеканье) 95,7% – русск. [tʹ/dʹ] 4,3% ($n = 14\,537$); блр. твердые [tʃ/ʃtʃ] (ч/шч) 83,0% – русск. мягкие [tɕ/ɕtɕ] (ч/щ) 17,0% ($n = 6\,242$); блр. твердое [r] 68,8% – русск. мягкое [rʹ] 31,2% ($n = 5\,451$). Различная степень руссификации этих трех явлений должна быть рассмотрена отдельно.

3. СКОЛЬКО КОДОВ СУЩЕСТВУЕТ?

Во-первых, анализ данных корпуса показывает, что более 50% всех форм происходят из предложений, где есть (не считая общих) как белорусские, так и русские элементы более глубокого уровня, чем фонический; около 30% предложений содержат только общие и русские элементы, и лишь 12% – только белорусские и общие. Остальное – это короткие высказывания, возможные в обоих языках (опять же, если не учитывать фонетических черт, которые в основном белорусские), т. е. содержащие только общие элементы.

Во-вторых, необходимо учитывать некоторые тенденции при выборе кода в смешанной речи у отдельных носителей:

1) Большинство респондентов способны производить сравнительно большие речевые фрагменты либо только на русском (не считая белорусских фонических черт), либо смешивая два языка.

2) Только небольшое количество респондентов иногда продуцируют фрагменты чистой белорусской речи. Как правило, в добавление к чисто белорусской речи эти респонденты активно используют смешанную речь. Лишь у двоих из них наблюдаются большие фрагменты и на белорусском, и на смешанной речи, и на русском.

3) Людей, которые используют только смешанную речь, без больших фрагментов по-белорусски или по-русски, тоже немного. Таким образом, в рамках длительного дискурса большинство респондентов продуцируют либо смешанную речь, либо русскую, реже белорусскую¹⁵.

На данном этапе необходимо упомянуть о генезисе и распространении БРСР на протяжении нескольких поколений. Для первого поколения белорусской миграции из деревни в город, т. е. для периода 1970–1980-х гг., БРСР может считаться интеръязыком¹⁶, с языком цели – русским. Этих носителей можно в полном смысле слова назвать

¹⁵ Разумеется, во многих дискурсивных ситуациях наблюдались случаи, когда респонденты строят высказывания по-русски, по-белорусски и с использованием смешанной речи одно за другим, в любом порядке, без всякой очевидной дискурсивной мотивации для изменения кодов. Необходимо принимать во внимание, что большая часть словоформ были определены как неспецифические, общие – ввиду высокой степени структурного сходства между белорусским и русским языками (см. ниже). Следовательно, белорусскость или русскость отдельных высказываний (особенно коротких, которые составляют большинство в непринужденной коммуникации) в отдельных случаях может зависеть от использования в рамках одного высказывания только одной белорусской или русской словоформы наряду с несколькими общими, а значит, в большой степени зависит от случайности. Только относительно крупных фрагментов русской, белорусской или смешанной речи, продуцируемых одним человеком, мы можем быть более или менее уверены в том, что он сознательно, или во всяком случае функционально, выбрал тот или иной код. На уровне отдельных высказываний или даже словосочетаний и словоформ русское произношение может служить знаком функционального переключения на русский (что происходит очень редко), в то время как белорусское произношение не может быть показательным.

¹⁶ Впервые понятие «интеръязыка» применительно к БРСР, или «трасянке», использовано в [Лисковец 2003].

билингвами, поздними последовательными билингвами¹⁷, которые усвоили русский, хотя и не достигли в нем полной активной компетенции, после белорусского (диалектного и литературного), как правило, после начальной школы. Но если мы согласимся с тем, что добровольно признают многие люди в Белоруссии и что было подтверждено результатами [Хентшель, Киттель 2011], а именно – что это поколение говорило на БРСР со своими детьми, то нам придется сделать вывод, что их дети провели по крайней мере первые годы своей жизни в «монолектной обстановке»: окружение, в котором проходила их языковая социализация, значительно отличалось от окружения детей, которые до сих пор становились объектом исследования билингвального изучения первого языка, или, другими словами, раннего сбалансированного и одновременного билингвизма.

Как указывает Матрас [Matras 2009: 63], чаще всего изучаемым прототипом является ребенок, растущий на Западе в городской, обычно монолингвальной, среде, но имеющий контакт с двумя языками благодаря иностранному происхождению одного или обоих родителей. Для таких ситуаций типично явное отделение языка семьи от языка окружающего мира или языка одного родителя от языка другого, при этом один из языков может, хотя и не обязан (в таком случае мы имеем дело с трилингвизмом), быть языком окружающего сообщества. В обоих случаях дети регулярно получают языковой инпут на каждом из языков по отдельности. В семьях белорусских мигрантов из деревни в город, старавшихся говорить на русском (а так происходило чаще всего), инпут обычно представлял собой смешанную речь.

Дети, чьи родители в разговоре с ними разделяют два языка (между собой родители говорят при этом на одном языке), очевидно, способны усвоить достаточно много синонимичных или функционально эквивалентных выражений и проводить различие между синонимическими парами, требующееся для общения с тем или иным родителем, в возрасте одного года девяти месяцев – двух лет (см. [Matras 2009: 12–17]). До достижения этого возраста активных навыков различать слова у ребенка нет, даже в таких «ранних и последовательно разделенных» контекстах. Современные исследования усвоения родных языков билингвами приписывают смешение на ранней стадии неконвергентным пробелам в двух лексиконах, сложности разговора со сменяющимися собеседниками или просто ошибкам из-за недостатка опыта [Там же: 63–66]. С другой стороны, есть свидетельства того, что дети начинают пассивно различать языки намного раньше. То же исследование показало (см. детальный отчет в [Там же: 61–100]), что даже те дети, которые встречались с достаточно строго разделенным языковым материалом и действиями собеседников, направленными на то, чтобы они различали языки в своей речи, усваивают не две системы в строгом смысле, а общий инвентарь выражений и конструкций, который они учатся разделять, когда их поощряет или заставляет среда (собеседники, социальный контекст, тема и т. д.).

Что это означает применительно к поколению детей белорусских мигрантов из деревни в город, выросших в 1970-е и 1980-е гг. – во время массовой индустриализации и урбанизации республики? Систематические стимулы разделять языки (коды) появлялись достаточно поздно: в семье доминировала смешанная речь. Конечно, в советское время городские дети от одного до трех лет нередко проводили до 10 часов каждого буднего дня в яслях. Но было бы опрометчиво заявлять, что там белорусский и русский языки сколько-нибудь систематически разделялись¹⁸. В детских садах

¹⁷ Последовательными билингвами (sequential bilinguals) называют людей, которые становятся билингвами, выучив сначала один язык, а затем другой. – *Прим. ред.*

¹⁸ Хорошо известно, что большую часть работы с детьми в этом заведении выполняли «нянечки», т. е. женщины без профессионального образования, часто пожилые. Они обычно говорили на смешанной речи, как и родители детей, и в любом случае не способствовали умению детей отделять белорусский от русского.

(для детей до 6–7 лет) дела обстояли примерно так же. Даже тот факт, что формально проводилось разделение между русско- и белорусскоязычными детскими садами, не означает, что разделение двух языков было педагогической целью. Очевидно, более строгое противопоставление языков всегда имело место в школе. Следовательно, во-первых, по меньшей мере в 1970-е и 1980-е гг. в городах Белоруссии дети до трех лет (широко принятая демаркационная линия для усвоения первого языка) выучивали язык не как белорусско-русские билингвы, а как монолингвы – носители смешанного «языка». Во-вторых, так как в несемейной среде (прежде всего в школах и других учебных заведениях) требовался скорее русский, чем белорусский, основной задачей дальнейшего языкового развития белорусских детей было отфильтровывание элементов, неподходящих или даже невозможных в контекстах, когда требовалось говорить по-русски. По возможности каждое языковое выражение и конструкция, усвоенные детьми в семейном окружении, должны были быть «проверены» относительно их приемлемости для русского дискурса. В принципе, то же задание существовало и по отношению к белорусскому языку. Но так как белорусский как основной язык образования всегда играл меньшую роль в школе и университете (уже с 1930-х гг.), а также прочие официальные и формальные социальные контексты требовали выбора в пользу русского, навыки фильтрации небелорусских элементов и конструкций усваивались в меньшей степени. В результате этого для большинства белорусов стало сложным продуцировать большие фрагменты «чистой» белорусской речи.

По крайней мере в этом смысле БРСР может считаться самостоятельным кодом. Несмотря на традиционную точку зрения нормативных лингвистов и «лингвистов-националистов», БРСР дает индивиду полный инвентарь языковых возможностей, которыми можно пользоваться, когда нет необходимости отделять белорусский от русского. Выбор, таким образом, есть между тремя альтернативами: русским, белорусским и БРСР, и этот выбор, независимо от того, является он сознательным или неосознанным, зависит от обычных факторов, выделяемых для функционального переключения кодов: собеседника, темы дискурса, коммуникативной стратегии («мы»-код, «они»-код) и др.

Однако, когда мы пытаемся понять, развивается ли смешанная речь в новый идиом, при анализе могут быть приняты во внимание только данные из смешанных высказываний (т. е. тех высказываний, внутри которых наблюдается смешение белорусского и русского языков). Это БРСР в узком смысле, которая противопоставляется смешанному русско-белорусско-БРСР-дискурсу (БРСР в широком смысле).

Что касается разных уровней структуры языка, общее мнение исследователей заключается в том, что не только произношение по большей части является белорусским, но и морфология, особенно словоизменительная. Лексика же, как считается, в основном русская. Если бы это было так, то в БРСР было бы заметно некоторое расщепление между грамматикой и лексиконом, которое в [Matras, Bakker 2003] признается решающим критерием определения смешанного языка. Но перед нами иная, более сложная, ситуация.

4. МОРФОЛОГИЯ

4.1. Некоторые квантитативные обобщения

В гибридных высказываниях корпуса содержится примерно 42 000 словоформ существительных, глаголов и прилагательных и 20 000 словоформ местоимений. Если мы определим каждый морф как общий, белорусский, русский или гибридный, то получим следующую картину относительной частоты вхождений (по причинам, изложенным выше, не учитываются фонические черты):

	часть речи	общие	белорусские	русские	гибридные
основа	N/V/Adj	69%	6%	24%	0% ¹⁹
	Pro	59%	19%	18%	1%
окончание	N/V/Adj	82%	10%	6%	0%
	Pro	70%	19%	10%	0%

Во-первых, большинство морфов – общие. Во-вторых, мы видим, что русский оказывает более сильное влияние на лексикон, чем на грамматику. В местоименных самостоятельных частях речи – существительных, глаголах, прилагательных – в четыре раза больше русских основ, чем белорусских. В основах местоимений, т. е. в более грамматических единицах, белорусский и русский занимают одинаковое положение. Но среди окончаний как местоимений, так и лексических частей речи белорусских морфов в два раза больше, чем русских. Тем не менее уже эти цифры демонстрируют, что между лексикон и грамматикой нет четкого противопоставления, как в прототипических смешанных языках. Вместо этого они указывают на феномен, похожий на нивелирование различий между диалектами одного языка (dialect levelling).

Необходимо подчеркнуть тот факт, что в минимальных языковых знаках – морфах – почти нет гибридности. Вся наблюдаемая здесь гибридность относится к их морфонемному представлению. Самый обычный и частый случай демонстрирует основа указательного местоимения ближнего дейксиса. Как описано в [Hentschel 2008b], существует сильная тенденция использовать русский вокалический анлаут (э вместо белорусского гэ), но избегать русской алломорфии с мягким [t'] во множественном числе и в творительном падеже мужского и среднего рода и твердым [t] в остальных случаях: например, в БРСР широко распространены формы м. / ср. р. в тв. п. ед. ч. *этым* вместо блр. *гэтым* и русск. *этим* или в род. п. мн. ч. *этых* вместо блр. *гэтых* и русск. *этих*.

Даже на уровне словоформ общие элементы являются наиболее частотными, но конечно, их доля уменьшается в языковых единицах, которые состоят из основы и окончания (и, может быть, нескольких аффиксов), из-за возможности сочетания общей основы или окончания с белорусским или русским окончанием или аффиксом.

часть речи	общие	белорусские	русские	гибридные	n
N/V/Adj	40%	21%	31%	6%	41 862
Pro	40%	33%	22%	4%	19 962

На первый взгляд кажется, что гибридных форм довольно мало. Но, как указывает [Tesch (в печати)], нужно учитывать следующее: гибридные формы состоят как минимум из двух морфов, среди которых один белорусский и один русский, также в них возможны общие морфы. Белорусские же и русские словоформы могут содержать только один морф, относящийся к одному или другому языку. Это значит, чтобы оценить влияние гибридизации на морфологию, нужно сравнивать частоту гибридных словоформ с частотой белорусских или русских словоформ, в которых есть как минимум два морфа из соответствующего языка. Мы ограничим наш квантитативный анализ основами и окончаниями:

основа	окончание	N/V/Adj (n = 2730)	Pro (n = 3200)
блр.	блр.	19%	30%
русск.	русск.	49%	56%
русск.	блр.	31%	12%
блр.	русск.	0%	0%

¹⁹ «0%» курсивом означает, что $n > 0$, но относительная частота ниже 0,5%.

Эти цифры говорят о том, что морфологическая гибридизация широко распространена среди лексических (собственно знаменательных) частей речи и меньше – среди местоимений. Последнее связано с высокой частотой местоименных вхождений: по крайней мере, в определенных грамматических значениях они усваиваются и воспроизводятся целиком. Что касается лексических основ, нужно подчеркнуть, что гибридность характерна преимущественно для русских основ в сочетании с белорусскими окончаниями, например, смешанное *втор-ы* vs. блр. *друг-і* и русск. *втор-ой*, *зеркал-ы* vs. *люстр-ы* и *зеркал-а*, *палуча[ʃ]-е* vs. *атрымліва[ʃ]-е* и *получа[ʃ]-ет*. Эти формы встречаются даже чаще, чем полностью белорусские, т. е. содержащие белорусские основу и окончание. Случаев комбинации белорусской основы с русским окончанием очень мало, например, смешанное *ніяк-ава* [-ава] vs. блр. *ніяк-ага* [-ага] и русск. *никак-ого* [-овэ], *прыйдз-ёт* [-от] vs. *прыйдз-е* и *прид-ёт*. Это отражает хорошо известный и, возможно, универсальный факт, что носители одного языка или идиома усваивают лексические единицы другого языка легче, чем грамматические.

4.2. Окончания

Как было сказано выше, принято считать, что в словоизменительной морфологии БРСР доминируют белорусские черты. И, конечно, такая позиция небезосновательна.

Один из примеров – окончания прилагательных, причастий и местоименных прилагательных (адъективные окончания) в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода, а также – в случае их отнесенности к одушевленным существительным – винительного падежа мужского рода. В белорусском в этой позиции фиксируется окончание типа /-VʏV/, и это сближает его с другими славянскими языками, в которых видим или дорсальный фрикатив /ʏ/ (/h/), или взрывной /g/, – за исключением русского с его лабиодентальным фрикативом, т. е. /VvV/. Более того, в русском языке это единственный случай, где /v/ графически передается не буквой *в*, а буквой *г*, обычно обозначающей /g/, что указывает на исторически дорсальный характер согласного. Среди 800 проанализированных вхождений в 70% случаев предпочтение было оказано белорусскому варианту. Квантитативное соотношение очень стабильно для всех семи населенных пунктов, где собирался материал.

Другой пример – предпочтение белорусского окончания в 3 лице единственного числа настоящего времени глагола. В белорусском это окончание имеет вид /-V/ или /Vʔsʔ/, а в русском – всегда /-Vt/ (за исключением нескольких нерегулярных форм, которые мы здесь не рассматриваем). В нашем корпусе около 2 900 вхождений таких словоформ; примерно в 2 200 из них белорусские и русские варианты явно различаются²⁰. Среди последних мы видим явное предпочтение белорусских окончаний. Окончания русского типа составляют только около 21%. Белорусские окончания можно разделить на относящиеся к литературному языку (62%) и диалектные (17%). Эта тенденция отмечается в каждом из семи населенных пунктов.

Хотя данные факты словоизменения и подтверждают общее мнение, что белорусский в этой области доминирует, другие факты явно противоречат этому утверждению.

Первый противоречащий феномен мы видим в родительном падеже мужского рода единственного числа. В обоих языках здесь представлены окончания /-a/ и /-u/, но в разных языках они частично распределяются по-разному. Так, и в русском, и в белорусском одушевленные имена могут иметь только окончание /-a/. Неодушевленные существительные могут иметь оба окончания в обоих языках, но в русском употребление /-u/ очень ограничено. За исключением некоторых идиоматических выражений вроде *из дому*, /-u/ появляется только тогда, когда одно из неисчисляемых существительных (не любое) в выражении обозначает неопределенное количество вещества (например, *немножко чаю*). Это употребление иногда называется партитивным. Все такие

²⁰ Примерно в 700 случаях из-за процесса ассимиляции (например, перед возвратным постфиксом -ся) сложно сказать, где мы имеем дело с белорусским /-ʔsʔ/, а где – с русским /-t/.

существительные в других контекстах родительного падежа получают окончание /-a/²¹. В белорусском языке употребление окончания /-u/ более распространено. Существительные с окончанием /-u/ в белорусском языке сгруппированы по семантическим признакам. Однако есть и исключения, например, среди неисчисляемых существительных (*нямнога рыс-у /хлеб-а*). В корпусе 420 вхождений существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа, где два языка противопоставлены. Мы обнаруживаем явное предпочтение русского варианта /-a/: 84%. Опять же эту тенденцию мы наблюдаем во всех населенных пунктах.

Второй случай предпочтения русского окончания мы видим в адъективных формах (см. выше) мужского и среднего рода предложного падежа единственного числа. В то время как в русском в этой позиции стоит окончание, отличное от окончания творительного падежа, в белорусском языке эти формы совпадают (ср. русск. *велик-ом* vs. *велик-им* и блр. *вялік-ім* в обоих падежах). За вычетом тех случаев, когда из-за описанных выше процессов редукции безударных гласных нельзя определить, является окончание белорусским или русским, почти 90% окончаний (при $n = 100$) относятся к русскому типу, формально различающему творительный и предложный падежи. И так во всех семи городских подкорпусах.

Третий пример – именительный и винительный падежи множественного числа среднего рода. Различия по роду в парадигмах множественного числа отражены намного слабее, чем в парадигмах единственного числа. Существует довольно регулярная историческая тенденция сглаживать этот контраст. В белорусском языке отсутствуют различия по роду в окончаниях существительных множественного числа; стандартным окончанием служит /-i/, -i/-ы. В русском языке окончание /-i/ доминирует в именительном падеже слов мужского²² и женского рода, однако в большинстве слов среднего рода представлено окончание /a/. Несмотря на то, что белорусское выравнивание различий по роду является более простым вариантом, в корпусе количественно преобладает русское окончание /-a/: на его долю приходится примерно 80% ($n = 180$). Опять же это количественное соотношение с несущественной вариативностью наблюдается во всех подкорпусах.

5. МОРФОСИНТАКСИС

Наряду с другими похожими случаями, немецко-польский контакт в Силезии – контакт между языками различной структуры – показывает, что в области морфосинтаксиса один язык может с легкостью вступать в интерференцию с другим и таким образом изменять его (ср. [Tambor 2008: 171–172]). В [Tesch (рукопись)] эта проблема рассматривается для нескольких феноменов, где белорусский и русский различаются. (Во многих других случаях морфосинтаксические структуры двух языков конгруэнтны.)

Первое явление, которое мы рассмотрим, – выбор падежа для существительных в сочетании с числительными ‘два’, ‘три’, ‘четыре’ (также выступающих в качестве последней части сложного числительного) и ‘оба’ в именных группах, которые без числительного имели бы именительный или винительный падеж. (В контекстах с другими падежами различий между языками не возникает.) В литературном белорусском мы наблюдаем согласование (как и в контекстах с другими падежами). Существительное и числительное получают один и тот же падеж и – в случае с числительным ‘два’ – род,

²¹ Необходимо отметить, что мы ориентируемся на стандартный инвентарь из шести морфологических падежей для русского языка. Описанный феномен – один из случаев, когда при использовании более строгого подхода к выделению морфологических падежей (см. [Зализняк 1967: 36–55]) следовало бы выделять еще один падеж. Эти случаи употребления окончания /-u/ у неисчисляемых существительных называют «вторым родительным» или «партитивом».

²² Конечно, есть несколько существительных мужского рода с окончанием /-a/ (перетягивающим на себя ударение) в именительном падеже множественного числа (см. [Hentschel 1991]), но они нерелевантны для рассматриваемой проблемы.

причем существительное стоит во множественном числе. Здесь существительное может считаться контролером согласования. В литературном русском мы находим конструкцию с достаточно сложным сочетанием согласования и управления при доминировании последнего. Здесь только числительное получает именительный или винительный падеж, тогда как существительное имеет форму родительного падежа²³, причем из подпарадигмы единственного числа²⁴. Очевидно, числительное управляет падежом и числом существительного. С числительным 'два' существительное выполняет функцию контролера согласования по роду: мужской род – *два стола*, женский род – *две змеи*. Другая сложность заключается в том, что в обоих языках для существительных женского и среднего рода формы родительного падежа единственного числа, с одной стороны, и именительного и винительного падежа множественного числа, с другой стороны, часто совпадают. Русск. *две комнаты* можно интерпретировать и как родительный падеж единственного числа, и как именительный (винительный) множественного.

Еще одно осложнение имеет другую природу: обе морфосинтаксические модели могут быть обнаружены в белорусских диалектах с преобладанием конгруэнтного типа на юго-западе и управления – на северо-востоке.

Если мы, следуя за [Tesch (рукопись)], сконцентрируем внимание на конструкциях с паукальными числительными, в которых мы можем однозначно определить, какая модель используется – белорусская или русская, мы увидим, что более сложная русская модель явно преобладает: из 172 вхождений в корпусе ей следуют 72%. Модель с управлением в той или иной мере доминирует во всех семи подкорпусах. Только в одном населенном пункте, где в окружающих диалектах доминирует модель с согласованием, количественная корреляция между двумя вариантами является почти сбалансированной. (Это указывает на возможность того, что в разных областях страны при выборе типа конструкции могут побеждать разные тенденции.) Однако наиболее привлекательной по-прежнему остается модель с управлением.

Следующее явление – вопрос об управлении предлогов блр. *на*, русск. *по*: о выборе ими дательного или предложного падежа²⁵. В русском *по* почти всегда управляет дательным падежом (за исключением нескольких особых контекстов, где возможно употребление предложного падежа). В белорусском же одни контексты требуют дательного падежа, как в русском, другие – предложного. Мы не будем здесь описывать достаточно сложные правила выбора между ними. Анализ С. Теш [Там же] сосредоточен на контекстах с возможностью выбора и показывает, что предпочтение отдается дательному падежу (88% из 159 случаев) – то есть речь идет в том числе и о тех случаях, когда белорусский язык требует предложного падежа. Модель, характерная скорее для русского языка, вновь побеждает во всех городских подкорпусах.

Последний морфосинтаксический феномен, который мы упомянем, – конкуренция между русским предлогом *из* (не засвидетельствованным в белорусском) и белорусским *з* при именных группах, таких как блр. *прывезці з вёскі*, русск. *привезти из деревни*, блр. *адно з двух*, русск. *одно из двух*. Во многих других контекстах такое существительное или местоимение в русском языке маркируется предлогом *с*: русск. *снять с полки*, блр. *зняць з паліцы*. Из-за регулярной ассимиляции по вокализованности блр. *з* и русск. *с* часто не различаются в речи. В примере выше в обоих случаях произносится [s].

²³ В сочетании с паукальными числительными некоторые русские существительные имеют формы, отличающиеся от обычного родительного падежа ударением: *важность шага* vs. *два шага*. По этой причине [Зализняк 1967: 46–48] постулирует дополнительный падеж – *счетную форму*.

²⁴ Когда в такой группе есть прилагательное, оно тоже стоит в родительном падеже, но принимает форму множественного числа: *два больших стола*. Мы игнорируем подобные группы, потому что они встречаются в нашем корпусе крайне редко и на основании их анализа нельзя сделать никаких выводов.

²⁵ В обоих языках есть конструкции, где *по* сочетается с винительным падежом, нерелевантные для данного рассмотрения.

В [Там же] содержится анализ контекстов корпуса смешанной речи, где русский требовал бы предлога *из*. Мы снова получаем ясный результат, но на этот раз русский проигрывает. В 89% из 267 релевантных случаев видим белорусский *з* [z/s]. Вероятно, эта тенденция поддерживается существованием в русском языке варианта *с*, хотя он и употребляется в других контекстах.

6. ЛЕКСИКА

Корпус содержит всего 212 000 вхождений словоформ и, конечно же, не может служить основой для подробного исследования лексики смешанной речи. Однако мы можем рассмотреть те случаи лексической вариативности, где эквивалентные единицы из русского и белорусского языков демонстрируют высокую частоту употреблений, которая чаще всего наблюдается, конечно, у служебных слов.

6.1. Неизменяемые служебные слова

Неизменяемые служебные слова гетерогенны по своей функции. Это полярные частицы ‘да, нет’, указательные местоименные наречия ‘теперь, тогда ...’, союзы ‘или, но ...’, модальные операторы ‘необходимо, чтобы’, частицы ‘только, даже ...’ и многие другие²⁶. При анализе пар, троек и т. д., содержащих как минимум один русский и один белорусский эквивалент, мы также находим, что в одних случаях явно доминирует тот или другой, а в других количественное соотношение сбалансировано (см. подробнее в [Hentschel (в печати)]).

Явными случаями предпочтения русского варианта белорусскому (белорусский вариант²⁷ всегда приводится первым) являются: *таксама* < *тоже* (99%, *n* = 332), *пóтым* < *потом* (99%, *n* = 347), *так* < *да* (98%, *n* = 472), *трэба* < *надо* (91%, *n* = 641); фиксируется и много других случаев с меньшим, но значительным процентным преобладанием. Случаи предпочтительного выбора белорусского слова: *тады* > *тогда* (86%, *n* = 54), *не* > *нет* (84%, *n* = 704), *дзе* > *где* (80%, *n* = 345), *яшчэ* [ɛ] > *ещё* [ɔ] (67%, *n* = 691). Среди 25 самых частотных эквивалентных пар (троек...), проанализированных в [Hentschel (в печати)], случаев, когда предпочтение чаще оказывается белорусскому варианту, явно меньше. Более того, в случаях преобладания белорусских вариантов их перевес меньше, чем перевес русских вариантов в случаях их доминирования. Необходимо заметить, что соотношение белорусских и русских эквивалентов, кажущееся сбалансированным в целом, может иметь разный характер в разных населенных пунктах. Например, из последней пары (*яшчэ* – *ещё*) русский вариант предпочитается только в одном из семи городов.

Таким образом, прослеживаются очевидные различия в выборе элементов коррелирующих пар в БРСР, с одной стороны, и литературным русским или белорусским – с другой. Ср. в этой связи выражения полярности: блр. *так* – *не*, русск. *да* – *нет*, БРСР *да* – *не*.

Принципы выбора белорусского или русского варианта (на фоне общей ориентации на русский язык) могут сильно варьироваться, по социо- и структурно-лингвистическим причинам, которые в рамках этой статьи не могут быть подробно рассмотрены (см., однако, [Hentschel (в печати)]). Только два из этих факторов будут упомянуты здесь вместе с соответствующими примерами. Например, в паре *тут* – *здесь*, также упоминаю-

²⁶ Классификация подобных элементов в литературе очень разнообразна. Мы принимаем подход Гроховского [Grochowski 1997], однако не рассматриваем здесь предлоги, так как их целесообразнее рассматривать в рамках морфосинтаксиса, т. е. вместе с именами, которыми они управляют.

²⁷ Во многих случаях и белорусские, и русские элементы демонстрируют высокую фоническую вариативность, на которой мы не заостряем наше внимание, а цитируем только варианты из литературных языков.

шейся в [Hentschel (в печати)], последний (русский) вариант встречается крайне редко (4%, $n = 466$). Однако «выигрывающий» вариант *тут* нельзя охарактеризовать как специфичный для белорусского. Он присутствует в обоих языках. В русском он функционирует как синоним слова *здесь* в локальном значении. В других контекстах *тут* не может использоваться везде, где употребляется *здесь*, и наоборот. Там, где возможны оба варианта, *здесь* принадлежит к более высокому стилистическому регистру. Как бы то ни было, в распределении этих эквивалентных элементов есть явная регулярность: в тех случаях, когда специфичный для того или иного языка (русского, как в этом случае, или белорусского) вариант соревнуется со своим функциональным эквивалентом, общим для обоих языков, как правило, побеждает последний.

Другой интересный случай описывается в [Ленкевич 2011]. Блр. *дык*²⁸ встречается в корпусе очень часто и присутствует во всех семи подкорпусах. Это очень многофункциональный элемент. В зависимости от функции его можно перевести несколькими разными русскими выражениями. Например, в качестве союза он эквивалентен русск. *то* в значении 'тогда' в конструкции *если... то...* Он соответствует русскому *так* в смысле 'так что', как в *Мы сделали свою работу, так что можем идти*. Как частица он может переводиться русским *ведь* (*Он ведь болен* 'Он болен, как ты знаешь/разве ты не помнишь'). Для других контекстов могут быть предложены другие русские эквиваленты. Очевидно, что именно разделение функций между несколькими русскими эквивалентами делает *дык* устойчивым к вытеснению одним из русских соответствий.

6.2. Дискурсивные маркеры и полнозначные слова

Известно, что в условиях билингвизма дискурсивные маркеры легко заимствуются из того языка, который индивиды или группы хотят перенять. В [Katsiura 2011] анализируются несколько соревнующихся дискурсивных маркеров БРСР. Многие из них образованы от глагольных форм 2 лица единственного числа (реже множественного) или от форм повелительного наклонения. В некоторых случаях предпочтение русскому элементу отдается действительно очень сильное. Во всех случаях ($n = 115$) из пары блр. *разумееш* – русск. *понимаешь* выбирается последний вариант. Менее значительным, но все-таки явным можно назвать перевес русского элемента в парах блр. *бачыш* < русск. *видишь* ($n = 157$, 85%) и блр. *чуеш* < русск. *слышишь* ($n = 31$, 74%) (это выражение используется в первую очередь как императив 'ты должен слушать'). И здесь мы снова видим контрастирующие пары с одним общим и одним специфичным элементом: общее *знаеш/знаешь* > блр. *ведаеш* ($n = 271$) и общее *глядзі/гляди* > русск. *смотри* ($n = 139$). В анализе Кацюры определенно доминирует общий вариант (99% и 73% соответственно), независимо от того, какому языку принадлежит специфичная форма. Таким образом, мы наблюдаем явную тенденцию выбирать те образованные от глаголов дискурсивные маркеры, которые происходят из русского или являются общими.

²⁸ Если *дык* рассматривать здесь как «специфически белорусский» элемент, то это соответствует нашей методике анализа элементов БРСР, которая была описана выше. Это, в первую очередь, касается сравнения форм в корпусе с формами белорусского и русского литературных языков. *Дык* является распространенным элементом не русского, а белорусского литературного языка. Но этот элемент обнаруживается и в субстандартных русских идиомах. Таким образом, как было сказано выше, никакая методика не позволяет в случае конкретного вхождения точно определить, из какого именно языка или идиома говорящий берет определенный элемент. В работе [Ленкевич 2011] показано, что в нашем корпусе БРСР *дык* выступает в полном спектре употреблений, которые найдены в белорусском литературном языке. Это подтверждает нашу классификацию элемента как «специфически белорусского». Вполне возможно, что присутствие *дык* в русских субстандартных идиомах поддерживает сопротивление этого элемента замене элементами русского литературного языка. Вопрос о том, какие явления русского просторечия (в сколько-нибудь значительной степени) обнаруживаются в БРСР, а какие нет (и почему?), – тема специального (будущего) исследования.

Кацюра также указывает на то, что похожие предпочтения наблюдаются при выборе между вариантами перечисленных пар и в тех случаях, когда формы используются не как дискурсивные, а как обычные глагольные формы в предложениях.

В [Zaprudski, Janenka 2011] содержатся первые примеры анализа соревнующихся полнозначных слов. Применительно к нескольким лексическим парам их исследование поддерживает общее мнение о русском характере лексики БРСР (белорусский вариант всюду приводится первым): *гадзіна* < *час* ($n = 197$, 98%), *час* < *время* ($n = 188$, 98%), *пытанне* < *вопрос* ($n = 108$, 93%), *вёска* < *деревня* ($n = 145$, 75%). Однако есть случаи, где мы находим достаточно сбалансированное количественное соотношение: *шукаць* – *искать* ($n = 58$, 54% vs. 46%), *грошы* – *деньги* ($n = 225$, 45% vs. 55%) и *мова* – *язык* ($n = 84$, 38% vs. 62%). Наконец, есть показательная пара, где белорусский вариант с большим перевесом выигрывает: *бацька* > *отец* ($n = 145$, 91%).

Последний пример представляет собой образец стабильности автохтонных (субстратных) слов с высокой частотой употребления, обозначающих объекты частной сферы. То же самое наблюдается и в случае с уменьшительно-ласкательными формами лексемы *мама*: как показывает наш анализ, в корпусе есть 33 вхождения варианта *мамка*, привычного для белорусского языка, в то время как более русский вариант *мамочка* встречается только один раз. Однако и в области разговорной лексики ситуация неоднозначная: так, распространенное в русском языке *парень* в корпусе БРСР встречается довольно редко, в то время как *хлопец* весьма часто (8,5% vs. 91,5%, $n = 106$). Обратное соотношение характерно для русского *мальчик* в сравнении с белорусским *хлопчик* (83,9% vs. 16,1%, $n = 62$). *Хлопец* и *хлопчик* являются типичными выражениями белорусского литературного языка. Оба элемента встречаются в русском (не литературном) языке относительно редко. Но степень их распространенности в БРСР явно различается.

Лексические переменные с вариантами из обоих языков со сбалансированным количественным соотношением необходимо проанализировать более тщательно, в том числе на предмет диалектного влияния. В целом полнозначные лексемы в БРСР, за исключением общих, чаще всего «похожи» на русские (см. выше). Большинство белорусских вариантов частотных лексических переменных редко достигает более 20% частотности по сравнению с их русскими эквивалентами, за исключением тех упомянутых лексических переменных, где белорусские элементы устойчивы или даже преобладают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенное выше описание правил распределения белорусских, русских (и общих) эквивалентных единиц на разных структурных уровнях ясно указывает на то, что не существует одного гомогенного смешанного белорусско-русского идиома как относительно стабильного смешанного кода, используемого по всей Белоруссии. Однако есть несколько стабильных случаев перераспределения функционально эквивалентных белорусских и русских элементов и черт на всех языковых уровнях. Более того, в разных населенных пунктах (в разных частях страны) наблюдаются противоположные тенденции в выборе между русским и белорусским вариантами. Схематически ареальная дистрибуция соревнующихся элементов или черт *б* и *р* из белорусского и русского языков выглядит следующим образом:

Регион:	А	Б	В	Г	Преобладает ...
Переменные типа 1	<i>б</i>	<i>б</i>	<i>б</i>	<i>б</i>	<i>б</i>
Переменные типа 2	<i>р</i>	<i>р</i>	<i>р</i>	<i>р</i>	<i>р</i>
Переменные типа 3	<i>б</i>	<i>р</i>	<i>р</i>	<i>б</i>	<i>б</i> или <i>р</i> (в разных регионах)
Переменные типа 4	$б \approx р$	$б \approx р$	$б \approx р$	$б \approx р$	ни <i>б</i> , ни <i>р</i>

Это означает, что в одних случаях белорусский вариант *б* явно оказывается предпочтительным во всех населенных пунктах (переменные типа 1: например, блр. [γ], а не русск. [g]; блр. *бацька*, а не русск. *отец*), в других предпочтение отдается русскому (переменные типа 2: например, русск. *-а* в род. п. ед. ч. м./ср. р., а не блр. *-у*; русск. *тоже*, а не блр. *таксама*). Выбор между *б* и *р* может варьироваться по регионам (переменные типа 3: например, в Барановичах, Хотимске и Октябрьском сильно преобладает русск. *уже*, но в Шарковщине и Сморгони блр. *ужо*; в Барановичах и Сморгони гораздо чаще употребляются союзы *каб(ы)*, а в Хотимске, Октябрьском и Рогачеве *чтоб(ы)*); но есть и такие случаи, когда для некоторой переменной нет явно выраженной тенденции (переменные типа 4: например, в Минске сбалансировано употребление русск. *уже* и блр. *ужо*, в Шарковщине, Минске и Рогачеве – русск. *чтоб(ы)* и блр. *каб(ы)*)²⁹. Конечно, другие комбинации на основании этих четырех основных схем также возможны.

Тот факт, что мы наблюдаем ареальную неоднородность, сам по себе не удивителен. Можно провести параллель со смешанными идиомами, возникшими на основе сельских диалектов и литературного языка, например, в Германии (преимущественно на юге). В городах и городских районах на юге Германии коммуникация коренного населения осуществляется на смешанных идиомах (региолектах, урбанолектах), которые характеризуются наличием разных диалектных (например, франконских, баварских, швабских) субстратов. При общении с жителями Северной Германии, а также «настоящими иностранцами» «южане» переходят (в зависимости от индивидуального владения литературным немецким) на устную версию стандартного немецкого, которую они знают из школы и средств массовой информации и в которой проявляется значительная южно-немецкая интерференция, особенно в фонетике и в некоторых лексических единицах. Современные южные региолекты можно сравнить с региональными вариантами БРСР (ср. похожее в [Klímaй (в печати)]). Поскольку структурные различия между немецкими диалектами, как правило, более значительны, чем между диалектами славянских языков, ареальных различий в БРСР скорее всего меньше, чем в немецких региолектах. В свою очередь южнонемецкая версия стандартного немецкого вполне сравнима с белорусским вариантом русского языка, в котором имеются небольшие региональные отличия.

Социальное, политическое и психологическое отличие в том, что в Германии есть только один литературный язык, который считается «автохтонной» нормой, тогда как в Белоруссии есть два соревнующихся литературных языка: белорусский и русский, и решающее влияние на формирование смешанной речи из-за его доминирующей роли в обществе имеет последний. Однако он ощущается как неавтохтонный, иностранный. Эта смесь «своего и чужого» беспокоит элиту, поддерживающую белорусский язык. (Но, конечно, элита страны, предпочитающая русский язык, тоже относится к БРСР скорее с презрением.)

Какова сейчас ситуация с системностью БРСР и ее языковым статусом? В работе [Цыхун 1998; Сыхун (в печати)] автор придерживается мнения Н. Мечковской, которая считает, что узуса не существует, и приходит к выводу, что о специальной системе не может быть и речи. Наше приведенное выше утверждение о том, что нет однородного смешанного белорусско-русского идиома, может быть неправильно истолковано как подтверждение позиции минских ученых. Конечно, субстандартный идиом, такой как БРСР, не имеет такого узуса, как кодифицированный литературный язык. Если минские коллеги именно это имели в виду, то они правы, но тривиальным образом. То, что не существует однородного узуса, справедливо и для старых коренных, «автохтонных»

²⁹ Контексты, в которых белорусский и русский варианты демонстрируют относительно одинаковую частотность (т. е. случаи отсутствия статистически значимых различий), весьма редки, если в корпусе в целом, а также в городских подкорпусах находится достаточное количество соответствующих примеров. Этого и следовало ожидать: эквивалентность в значении (денотации и коннотации) или функции противоречит принципу экономии в языке, поэтому такие варианты обречены на исчезновение или распределение по функциям / значению.

ареальных диалектов (например, в немецком языковом пространстве – для баварских, алеманнских, франконских и некоторых верхненемецких диалектов), каждый из которых имеет не один единый узус, а много узусов, которые могут отличаться даже от деревни к деревне. Это делает разговор о единой системе практически невозможным. Данный факт установил известный лингвист Уриэль Вайнрайх в своей знаменитой работе 1954 года «Is a structural dialectology possible?» [Weinreich 1954]. Он предложил понятие «диасистемы» как абстракции сложной системы, состоящей из нескольких отдельных систем, каждая из которых имеет конкретный узус³⁰. Со времени исследований В. Лабова (впервые в [Labov 1966]) известно, что отличия в узусе субвариантов (городских, региональных и других специфически групповых) друг от друга и от стандартных идиомов носят не столько качественно-детерминистический, сколько количественно-вероятностный характер, то есть проявляются в различных предпочтениях, предпочтениях конкурирующих вариантов различных языковых переменных. Для БРСР последнее было доказано выше большим количеством примеров на разных уровнях описания.

Конечно, в субстандартных идиомах всегда присутствует высокая степень изменчивости и колебаний, возникающих в результате контакта со стандартным идиомам или с другими субстандартными идиомами. В смешениях диалектных (в основном) субстратов и стандартного идиома, т. е. в региолектах и урбанолектах³¹, отражаются, конечно, старые ареальные различия, хотя они и менее заметны, чем в старых диалектах или говорах, не в последнюю очередь по причине унифицирующего влияния суперстрата, литературного языка. Кроме того, материал, описанный выше, позволяет, как было показано, распознавать разнообразные предпочтения: выраженные в БРСР в целом (в немалом количестве) или различающиеся ареальным распространением³².

Наша интерпретация БРСР как множества смешанных региолектов, которые все же демонстрируют некоторое сходство, ставит это явление на один уровень с развитием субстандартных идиомов во многих других европейских регионах. Старые коренные диалекты исчезают, новая умеренная ареальная дифференциация проявляется в идиомах, возникающих в результате смешения литературного языка и (в существенной степени) диалектных субстратов. Белорусская специфика заключается в том, что доминирующим стандартом является один, с одной стороны, генетически и структурно сходный, но, с другой стороны, «неавтохтонный» «язык-крыша» («Dachsprache»), т. е. русский. При этом другой (генетически и структурно, как правило, более похожий) конкурирующий «автохтонный», коренной «язык-крыша», т. е. белорусский, играет гораздо более скромную роль.

Возвращаясь к структурным аспектам, кроме всего прочего, следует указать на то, что уже сам факт стабильного предпочтения белорусского или русского варианта для существенного количества переменных свидетельствует о существовании смешанного

³⁰ Как показано в [Chambers, Trudgill 1998: 35–40], даже это понятие не в состоянии отразить весь спектр разнообразных изменений в нестандартных идиомах.

³¹ Исходя из вышеизложенного, по теоретическим и эмпирическим причинам мы не можем принять утверждение Н. Мечковской о том, что «трасянка и суржик не могут превратиться в новый диалект (в региолект, в интердиалект, в сверхдиалект)» [Mečkovskaja (в печати)]. Более подробный анализ понятий «систем» и «системность» см. в [Хентшель 2011].

³² Анализируемый здесь корпус включает, как было сказано выше, данные по семи городам, то есть по всем трем традиционно рассматриваемым диалектным регионам Белоруссии (по северо-востоку, юго-западу и по центральному региону). Тем не менее он, конечно, не может претендовать на ареальную репрезентативность. Можно, очевидно, предположить, что языковой узус в маленьком или среднем городе, где по социально-экономическим причинам обнаруживается большое число изначально русскоговорящих мигрантов, отличается от узуса города, население которого состоит (почти) исключительно из коренных жителей ближайших деревень. Осознание различий в речевой практике в стране является, с точки зрения автора, одной из важнейших задач белорусского языкознания, решение которой, сопровождаемое заботой и вниманием демократической общественности, может открыть реальные перспективы для подлинного возрождения белорусского языка.

идиома хотя бы в зарождающемся состоянии (или же речь может идти о нескольких ареальных смешанных идиомах с существенными совпадениями в структуре). Несмотря на ряд исключений, особенно в области фонетики, фонологии, а также грамматики (определенные флексии, морфосинтаксические конструкции, служебные слова), наблюдается общая тенденция к доминированию русских элементов и черт³³. Это тоже не удивительно. Во-первых, БРСР возникла в социальном контексте, в котором белорусы должны были адаптироваться к социальным нормам Советской России, включая языковые. Современная БРСР, таким образом, рождалась как результат стремления говорить по-русски, т. е. первоначально была отражением неполноценного выучивания русского языка. Во-вторых, тот факт, что сейчас есть поколение носителей, способных хорошо и бегло говорить по-русски (и обычно довольно плохо говорящих по-белорусски), которые часто переходят на БРСР в определенных контекстах, не только означает, что для многих людей использование БРСР не коррелирует с плохим знанием русского³⁴, но и свидетельствует о том, что русский имеет, и скорее всего, будет иметь большее влияние на БРСР, чем белорусский. В [Мечковская 2002] высказывается гипотеза, что для большинства белорусов белорусский язык ценен как символ – в том числе для тех, кто использует его редко или не использует никогда. Если белорусскому обществу в ближайшие десятилетия придется завершить переход на русский как «общественный язык», это будет значить, что белорусский исчезнет «полностью»³⁵ и вместо него роль языкового воплощения белорусской идентичности будет выполнять БРСР, которая при-

³³ И это согласуется с нашей интерпретацией БРСР как субстандартного идиома с региолектной дифференциацией. Как отмечается в [Norrenberg 1982], региолекты, как правило, демонстрируют тенденцию к сближению с литературным языком (и в этом отношении в Белоруссии доминирует, как известно, русский язык), в то время как социолекты удаляются от него. Сближение со стандартом не обязательно значит, что региолекты являются переходными явлениями и в конце концов исчезнут. Если общество их не стыдится, они могут быть очень устойчивыми. Так, например, немецкая земля Баден-Вюртемберг – кстати, сегодня очень богатый и успешный регион с такими известными фирмами, как «Даймлер-Бенц» или «Бош» и с такими элитными университетами, как в Гейдельберге, – в рекламах официально и открыто гордится лозунгом «мы умеем делать все, только не умеем говорить на литературном немецком». От этого либерального подхода к «культурному явлению языка» тоталитарные или посттоталитарные общества на востоке Европы (включая, как правило, и их антитоталитарные группировки), конечно, далеки.

³⁴ Нам не кажется разумным пытаться ограничивать изучение БРСР, или белорусской «трасянки», теми носителями, которые не могут переключаться на русский (хотя бы и с белорусской фонической интерференцией) и/или даже на белорусский, когда коммуникативная ситуация требует такого разделения языков; другими словами, людьми, которые говорят только на БРСР из-за неумения отделять ее по крайней мере от русского. Такое предложение сделано, например, в [Liskovets 2009]. Во-первых, противопоставление двух дискретных групп: «разделяющих» (говорящих, по крайней мере, на русском и БРСР) и «неразделяющих» (говорящих только на БРСР) носителей – кажется невозможным. Обратим внимание на то, что почти все наши респонденты могли произносить большие фрагменты речи по-русски. Вопрос скорее в уровне владения им. Во-вторых, даже если бы мы могли выделить множество носителей, которые абсолютно не могут говорить ни на относительно «чистом» русском, ни на «чистом» белорусском, и ограничили бы наше исследование ими, это были бы люди с достаточно неглубоким образованием. Тогда традиционное мнение, что БРСР – черта менее образованных людей, будет верно, так сказать, по определению или, точнее, будет имплицировано методологией. (Тогда как [Хентшель, Киттель 2011] показывает, что БРСР обнаруживается во всех группах, выделенных на основании уровня образования.) В-третьих, такой подход не отразит широкое распространение БРСР в белорусском обществе. Правильнее было бы вместо этого сравнивать варианты БРСР, используемые людьми с разным образованием.

³⁵ Автор хотел бы надеяться на то, что белорусские власти будут в большей мере поддерживать белорусский язык, чем это было в последние 15 лет, – выделяя деньги на распространение школьного преподавания по-белорусски, альтернативного русскому, и альтернативного университетского образования по всем предметам, а также требуя хорошего владения русским и белорусским от госслужащих.

мет роль субварианта при диглоссии русского и БРСР. Нечто похожее случилось с языком кажунов (Луизиана, США, см. [Dyer 2007: 102]). В то время как люди старшего поколения говорят на луизианском французском и американском английском (часто с интерференцией французского), многие молодые люди отказались от французского и в официальных контекстах говорят на литературном американском английском, «а английский с сильным французским акцентом» используют как язык внутриплеменного общения³⁶.

Что касается БРСР, сохраняется вопрос, какую роль структурные и социальные факторы играют при принятии решения о выборе между функционально эквивалентными элементами и чертами белорусского или русского языков. К сожалению, здесь мы не можем уделить достаточно внимания этой проблеме. Однако, можно с уверенностью сказать, что далеко не всегда при такой конкуренции выбирается самый простой в структурном плане вариант. Хотя такие случаи, конечно, и бывают – например, когда в БРСР русский вариант сочетания предлога *по* с дательным падежом предпочитается белорусскому, где *па* требует то дательного, то предложного падежа. То же происходит, когда русское окончание родительного падежа единственного числа мужского рода */-а/* одерживает победу в БРСР над сложным дополнительным распределением */-а/* и */-у/* в белорусском. Однако простота сама по себе, по крайней мере в случае белорусского, очевидно, не является решающим фактором: достаточно сложный русский морфосинтаксис в контекстах с паукальными числительными выбирается вместо простого согласования, наблюдаемого в белорусском. Подобным образом и белорусская генерализация */-і/* как окончания именительного падежа множественного числа всех существительных уступает более сложной русской модели с отдельным окончанием */-а/* существительных среднего рода. С другой стороны, многофункциональная белорусская частица *дык*, обладающая высокой частотностью в БРСР, побеждает свои разнообразные эквиваленты из русского языка (которые в нем так же частотны). В целом социальное превосходство русского в Белоруссии, очевидно, является главным общим фактором. Но есть дополнительные социальные и структурные факторы выбора, специфичные для конкретной переменной, которые мотивируют устойчивость белорусских вариантов к их вытеснению русскими.

Конечно, на разных структурных уровнях степень доминирования русских черт и элементов разная. Однако резкого противопоставления лексики и грамматики, которое считается решающим критерием для постулирования существования смешанного языка в [Matras, Bakker 2003], в БРСР явно нет, хотя оно и играет некоторую роль. Но эта роль ограничивается тенденцией. Материал БРСР демонстрирует следующую иерархию степени влияния русского языка:

фонетика / фонология < окончания (местоимений < полнозначных слов) < местоименные основы / служебные слова³⁷ < основы неместоименных полнозначных слов < дискурсивные частицы.

Чем «правее» структурный подуровень в этой иерархии, тем сильнее в нем влияние русского и слабее – белорусского. Однако, без сомнения, на каждом уровне есть элементы обоих языков, и эта картина отличается от случаев строгого распределения элементов того или иного языка в похожих иерархиях, которые приводятся в [Matras, Bakker 2003: 1–8]. Но все примеры этой работы касаются пар типологически и структурно различных языков. Белорусский и русский же и на уровне диалектов (субвариантов), и на уровне литературных языков в большой степени конгруэнтны, и скорее всего, именно

³⁶ Исследование, проведенное Ольденбургским университетом, свидетельствует о существовании третьего поколения говорящих на БРСР (в настоящее время – школьников), по крайней мере, в небольших городах (см. [Крайцанка 2012]), хотя среди молодых людей есть заметная тенденция реже использовать БРСР [Хентшель, Киттель 2011].

³⁷ Эти две области не сравнивались напрямую. Однако служебные (неизменяемые) слова демонстрируют меньше влияния со стороны русского, чем лексические основы, а местоименные основы – меньше, чем местоименные окончания.

по этой причине распределение белорусских и русских элементов и черт по структурным подуровням носит градационный характер.

Приведенная выше и подтвержденная материалом БРСР иерархия очень напоминает известные иерархии склонности элементов к тому, чтобы быть заимствованными в другой язык (см. [Field 2002: 34–40]). Однако здесь нельзя говорить о заимствовании в традиционном смысле. На фоне описанных феноменов было бы неверно рассматривать БРСР как результат массового заимствования из русского в белорусский, хотя БРСР является феноменом белорусского общества. Было бы неправильно говорить и о заимствовании из белорусского в русский, хотя русские признаки преобладают не только в лексиконе, но даже в нескольких областях грамматики. Эту проблему, по крайней мере на уровне терминологии, может решить концепт репликации, предложенный Матрасом [Matras 2009: 146–165]³⁸. Элементы, черты и конструкции обоих языков устойчиво отражаются в смешанной речи, в данном случае в БРСР. Некоторые из них чаще строятся на основе одного языка, некоторые – на основе другого, третьи, гибриды, берут элементы обоих, и наконец, некоторые элементы могут быть инновациями, основанными на способности всех людей к языковому творчеству. Возникающие в смешанной речи предпочтения могут стабилизироваться, если они используются в течение достаточно долгого времени и на достаточно обширном пространстве, каким является Белоруссия, но смешанные варианты, особенно субварианты, конечно, будут всегда характеризоваться высокой степенью варьирования (из-за сосуществования конвенционализированного и спонтанного смешения), пока в данном сообществе используется один, два или больше языков-доноров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Курцова 2005 – В.М. Курцова. Стан дыялектнага маўлення ў другой палове XX ст. і яго месца ў сістэме сельскіх сацыяльна-камунікатыўных зносін // Скарбы народнай мовы. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 2005.
- Ленкевич 2011 – В. Ленкевич. Значения и функции элемента дык в белорусско-русской смешанной речи. Paper read on the conference «Belarusian Trasjanka – a “mixed variety” as a product of Belarusian-Russian language contact» (Oldenburg, Germany, March 29th – 31st). Oldenburg, 2011.
- Лисковец 2003 – И. Лисковец. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве // <http://www.eu.spb.ru>.
- Лукашанец 2007 – А.А. Лукашанец. Кароткая граматыка беларускай мовы: Фаналогія, марфалогія, марфалогія. Ч. 1. Мінск, 2007.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мечковская 1994 – Н. Мечковская. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // Russian linguistics. 1994. V. 18. № 3.
- Мечковская 2002 – Н. Мечковская. Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской ситуации // К. Gutschmidt (eds.). Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart. Dresden, 2002.
- Мечковская 2007 – Н. Мячкоўская. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // Веснік БДУ. Сер. IV. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 1.
- Рамза 2011 – Т. Рамза. Беларускае гутарковае маўленне: сучасны стан. Мінск, 2011.
- Супрун 1987 – А.Е. Супрун. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе. Минск, 1987.

³⁸ Матрас предлагает «репликацию» в качестве замены для традиционных терминов «заимствование» и «трансфер» и более нового термина «копирование», недавно предложенного в [Johanson 2008]. «Репликация» обладает тем преимуществом, что она не предполагает метафорически, что соответствующий элемент должен быть возвращен (как в случае «заимствования») или что он был передан или даже скопирован с сохранением всех черт, которые он имел в плане выражения и содержания в языке-доноре.

- Хентшель 2011 – Г. Генчаль. Тэарэтычнае асэнсаванне сістэмнасці мяшанага беларуска-рускага маўлення // Актуальныя праблемы паланістыкі. Мінск, 2011.
- Хентшель, Киттель 2011 – Г. Хентшель, Б. Киттель. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране // Социология. 2011. № 4. (Немецкая версия в G. Hentschel, B. Kittel. Urteile von Weißrussen über die Verbreitung «ihrer Sprachen» im Lande // Wiener Slawistischer Almanach 67. 2011.)
- Хентшель, Целлер 2011 – Г. Хентшель, Я.П. Целлер. Яканьё, еканьё, иканьё в белорусско-русской смешанной речи: наблюдения на основе экспериментально-акустического анализа // Г.И. Шевченко (ред.). Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир. Минск, 2011.
- Цыхун 1998 – Г. Цыхун. Трасянка як аб'ект лінгвісцічнага даследавання // Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канф. (Мінск, 22–24 кастрычніка 1997 г.). Мінск, 1998.
- Auer 1999 – P. Auer. From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // The international journal of bilingualism. 1999. № 3.
- Bieder (в печати) – H. Bieder. Die weißrussisch-russische Mischsprache (Trasjanka) als Forschungsproblem // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Bullock 2009 – B. Bullock. Phonetic reflexes of code-switching // B. Bullock, A. Toribio (eds.). The Cambridge handbook of linguistic code-switching. Cambridge, 2009.
- Chambers, Trudgill 1998 – J.K. Chambers, O. Trudgill. Dialectology. 2nd ed. Cambridge, 1998.
- Cychun (в печати) – H.A. Cychun. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Dubois, Sankoff 2001 – S. Dubois, D. Sankoff. The variationist approach toward discourse structural effects and socio-interactional dynamics // D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). The handbook of discourse analysis. Malden (Mass.), 2001.
- Dyer 2007 – J. Dyer. Language and identity // C. Llamas, L. Mullany, P. Stockwell (eds.). The Routledge companion of sociolinguistics. London, 2007.
- Field 2002 – F. Field. Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Grochowski 1997 – M. Grochowski. Wyrażenia funkcyjne. Studium leksykograficzne. Kraków, 1997.
- Hentschel 1991 – G. Hentschel. Роль схем формальной дифференциации в развитии флективной системы русского языка // Russian linguistics. 1991. V. 15.
- Hentschel 2008a – G. Hentschel. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka» // P. Kosta, D. Weiss (eds.). Slavistische Linguistik 2006/2007. München, 2008. (= Slavistische Beiträge 464), 2008.
- Hentschel 2008b – G. Hentschel. On the development of inflectional paradigms in Belarusian Trasjanka: The case of demonstrative pronouns // G. Hentschel, S. Zaprudski (eds.). Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization (Studia Slavica Oldenburgensia 17.). Oldenburg, 2008.
- Hentschel (в печати) – G. Hentschel. Zur Systemhaftigkeit der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Phänomene der Redistribution von weißrussischen und russischen Varianten von Funktionswörtern // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Hoppenbrowsers 1982 – C.A.J. Hoppenbrowsers. Language change. A study of phonemic and analogical change with particular reference to S. E. Dutch dialects (Diss.). Groningen, 1982.
- Johanson 2008 – L. Johanson. Remodeling grammar: copying, conventionalization, grammaticalisation // P. Siemund, N. Kintana (eds.). Language contact and contact languages. (Hamburg Studies on Multilingualism 7.). Amsterdam, 2008.
- Katsiura 2011 – Ju. Katsiura. Diskursmarker in der gemischten weißrussisch-russischen Rede. Paper read on the conference «Belarusian Trasjanka – a “mixed variety” as a product of Belarusian-Russian language contact» (Oldenburg, Germany, March 29th – 31st). Oldenburg, 2011.

- Kittel et al. 2010 – B. Kittel, D. Lindner, S. Tesch, G. Hentschel. Mixed language usage in Belarus. The sociostructural background of language choice // International journal of the sociology of language. 2010. V. 206.
- Klimaŭ (в печати) – I. Klimaŭ. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der parole und der langue // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Kraučanka 2012 – N. Kraučanka. Sprachliche Präferenzen der jüngsten belarussischen Bevölkerung. (Auf Grundlage einer Umfrage, durchgeführt in sieben belarussischen Städten) // S. Behensky (ed.). m*OST 2010: Österreichische Studierendentagung für SlawistInnen (Beiträge der Konferenz m*OST 2010, 18–20 November 2010 am Fachbereich Slawistik der Universität Salzburg). München; Berlin, 2012.
- Labov 1966 – W. Labov. Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1966.
- Liskovets 2009 – I. Liskovets. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk // International journal of bilingualism. 2009. № 13.
- Ljankevič (в печати) – A. Ljankevič. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Codes in Weißrussland (am Material eines Matched Guise Tests) // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Matras 2009 – Y. Matras. Language contact. Cambridge, 2009.
- Matras, Bakker 2003 – Y. Matras, P. Bakker (eds.). The study of mixed languages // Y. Matras, P. Bakker (eds.). The mixed language debate. Theoretical and empirical advances. Berlin; New York, 2003.
- Mečkovskaja (в печати) – N. Mečkovskaja. Weißrussische Trasjanka und ukrainischer Suržyk: quasi-ethnische Substandards mit russischen Merkmalen in der Geschichte sprachlicher Konstellationen // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Milroy 1987 – L. Milroy. Language and social networks. Oxford, 1987.
- Plähn 1978 – J. Plähn. Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der Russischen Kirche. Hamburg, 1978.
- Ramza 2008 – T. Ramza. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten // Zeitschrift für Slawistik. 2008. V. 53. № 3.
- Tambor 2008 – J. Tambor. Mowa górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice, 2008.
- Tesch (в печати) – S. Tesch. On morphological hybrids: Byelorussian-Russian word forms in Trasyanka // G. Hentschel, O.O. Taranenko, C. Woolhiser, S.M. Zaprudski (eds.). Studies on Belarusian Transjanka and Ukrainian Suržyk as results of Belarusian- and Ukrainian-Russian language contact. (Papers from a conference, Oldenburg, June 15th – 18th 2007.) Frankfurt am Main, (в печати).
- Tesch (рукопись) – S. Tesch. Syntagmatische Aspekte der gemischten weißrussisch-russischen Rede: Kodewechsel und Kodemischung. (Dissertation, Universität Oldenburg, Deutschland, in Vorbereitung.) (рукопись).
- Trudgill 1986 – P. Trudgill. Dialects in contact. Oxford, 1986.
- Weinreich 1954 – U. Weinreich. Is a structural dialectology possible? // Word. 1954. V. 10. № 2–3.
- Zaprudskij 2007 – S.N. Zaprudskij. In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian // International journal of the sociology of language. 2007. V 183.
- Zaprudski, Janenka 2011 – S.M. Zaprudski, N. Janenka. On the possibilities and limitations of lexical variants processing and some first findings based on individual variants. Paper read on the conference «Belarusian Trasjanka – a “mixed variety” as a product of Belarusian-Russian language contact» (Oldenburg, Germany, March 29th – 31st). Oldenburg, 2011.

Перевод с английского М.В. Шкапы при участии автора

Сведения об авторе:

Герд Хентшель
Universität Oldenburg
gerd_hentschel@web.de